

А. В. Коптев

TRIBUNI MILITUM CONSULARI POTESTATE – КТО ОНИ?

Тribuni militum consulari potestate, которых обычно именуют консулярными трибунами, фигурируют в римской исторической традиции в качестве высшей магистратуры Республики, конкурировавшей с консулами в 444–409 гг. и почти полностью вытеснившей их в 408–367 гг.¹ Однако затем реформы Лициния–Секстия привели к восстановлению консулата, и магистратура консулярных трибунов навсегда вышла из употребления после 367 г. Исследователи уже около двух столетий пытаются понять причину появления и бесследного исчезновения этой загадочной должности. В недавно вышедшей книге В.В. Дементьевой сделана попытка обобщить весь комплекс вопросов, связанных с консулярным трибунатом, и «построить его историческую модель»².

В противовес общепринятому мнению о консулярном трибунате как этапе складывания высшей ординарной магистратуры Дементьева рассматривает его в качестве чрезвычайной магистратуры, введенной особым законом, изданным около 445 г. По ее мнению, незадолго до этого, после второй сецессии 449 г., высшей ординарной магистратурой Республики стал консулат, преобразованный из первоначальной претуры. Таким образом, почти одновременно были учреждены две высшие должности с равными полномочиями в гражданской и военной сфере и с одинаковыми атрибутами (империй, potestas, фасции, право на триумф и т.д.). Консулярный трибунат рассматривается не как альтернатива консулату, а как конституционное дополнение для применения в кризисных ситуациях³. Консулов избирали двоих с равными полномочиями, а число трибунов колебалось в разные годы от трех до шести (или даже восьми или девяти). Последнее Дементьева трактует как отсутствие какой-либо нормы, определявшей количество трибунов. Тем самым она уходит от обсуждения наиболее дискутируемого комплекса данных, в свете которых исследователи пытаются объяснить тенденцию роста числа трибунов: с 444 г. – три, с 426 г. – четыре, с 405 г. – шесть. По ее мнению, вопрос о том, кого избирать (консулов или военных трибунов), решался перед началом административного года. По-видимому, тогда же и устанавливалось число трибунов, подлежащих избранию.

В период с 444 по 406 г. в качестве годовых эпонимов фигурируют 22 пары консулов и 19 коллегий консулярных трибунов, а с 405 по 367 г. – 32 коллегии консулярных трибунов и только 2 пары консулов⁴. В этой связи трудно опреде-

¹ Все даты в статье – до нашей эры.

² Дементьева В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 7.

³ Там же. С. 80–96.

⁴ См. Mora F. Fasti e schemi cronologici. La riorganizzazione annalistica del passato romano. Stuttgart, 1999. P. 311–321.

литься, кого считать ординарными, а кого экстраординарными магистратами. Видимо, не случайно и сама Дементьева отмечает, что при чтении античных авторов создается впечатление, что консулярный трибунат был такой же ординарной магистратурой, как и консулат⁵. Однако она полагает, что это впечатление неверно⁶. Если же представить, что в течение более чем 40 лет, с 408 по 367 г., Рим управлялся экстраординарными магистратами, то возникает законный вопрос: почему же для живших в это время двух поколений римлян, которые ежегодно голосовали за трибунов и не избирали консулов, экстраординарной магистратурой был консулярный трибунат, а не консулат? Логичнее будет считать, что римляне периода с 408 по 367 г. ничего не знали о консулате, который был (заново) введен законами Лициния–Секстия⁷. Так, впрочем, и считает большинство исследователей, полагая, что с момента учреждения Республики в 509 г. и до 367 г. не консулат, а претура была главной ординарной магистратурой⁸. Нет данных, подтверждающих принимаемую Дементьевой за аксиому гипотезу, что первоначальные преторы стали называться консулами уже в 449 г.⁹ В этом контексте слово «консулярные» в названии таких военных трибунов – если, конечно, оно входило в него изначально, а не было привнесено авторами Поздней республики – выражало лишь коллективный характер этой должности, а не было реминисценцией из области консулата или консульских полномочий.

Зачем же была учреждена должность консулярных трибунов в 444 г., когда Римская республика имела в качестве ординарных магистратов двух преторов (фигурирующих в традиции как консулы), двух квесторов и двух плебейских эдилов, кроме того, были плебейские трибуны, а со следующего 443 г. стали избираться еще и цензоры? Чем три консулярных трибуна, число которых не увеличивалось до 426 г., были эффективнее двух преторов (консулов) с теми же самыми полномочиями? Притом что наготове всегда была экстраординарная ма-

⁵ Дементьева. Ук. соч. С. 80.

⁶ Аргументируя экстраординарность консулярного трибуната, Дементьева (с. 95) указывает на то, что к этой магистратуре не всегда прибегали в начале административного года; иногда консулярные трибуны выбирались на место консулов того же года. «Конечно, годичность, как и коллегиальность, – пишет она, – сближают консулярный военный трибунат с обычными римскими структурами исполнительной власти, позволяя определять его как некоторый “промежуточный” по форме орган. Однако по характеру мы склонны считать его относящимся к системе чрезвычайной власти». Чем различался их характер, автор не поясняет.

⁷ Избранные в 393 и 392 годах консулы выглядят странно одиноко в ряду ежегодно выбиравшихся до и после того консулярных трибунов.

⁸ Это мнение основано на сведениях античных авторов, что консулы первоначально назывались преторами (*Cic. De leg. 3. 3. 8; Liv. 3. 55. 11–12; 7. 3. 5, 8; Plin. NH. 18. 12; Gell. 11. 18. 6–8; Fest. p. 249, 152 L; Ps.-Asc. Verr. 2. 36 p. 234 Stangl*). Литературу о возникновении консулата в 367 г. см. *Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der «Konsulartribunen»*. Trier, 1998. S. 47. Anm. 17; *Дементьева*. Ук. соч. С. 8.

⁹ Эта гипотеза возникла в рамках предложенной В. Ине теории «переходного периода», согласно которой после изгнания царей главным магистратом республики был диктатор (*magister populi*). Вместе с магистром всадников он фигурирует в фастах в качестве эпонимов (консулов) с 509 до 451 г. После децемвирата якобы была установлена новая «конституция», в которой главными должностными лицами стали консулы, а диктатор превратился в экстраординарного магистрата. См. *Ihne W. Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte*. Frankfurt a. M., 1847. S. 42–53; *Schwegler A. Römische Geschichte*. Bd 3. Tübingen, 1858. S. 125; *De Martino F. Storia della costituzione romana*. Vol. 1. Napoli, 1972. P. 191–192.

гистратура диктатора с начальником конницы, которые, как неоднократно демонстрировали события 444–367 годов, в равной степени эффективно заменяли как консулов, так и консульских трибунов, не справлявшихся с ситуацией¹⁰. Ответ Дементьевой фактически следующий: чтобы попробовать, может быть, консульские трибуны лучше, чем консулы.

По ее мнению, создававшаяся в 445–444 годах коллегия консульских трибунов предназначалась для чрезвычайных, критических ситуаций любого рода¹¹. Исследователи пытались аргументировать целый ряд причин появления этой магистратуры, которую большинство из них рассматривало как ординарную, видя в ней то уступку патрициев плебеям с целью оградить от последних консулат, то борьбу внутри правящей элиты, требовавшей увеличения числа престижных должностей, то средство увеличить число высших военных командиров в связи с ростом войска и изменением его структуры, то умножение военно-административных функций в связи с ростом римской общины¹². Стремление Дементьевой представить консульских трибунов экстраординарными магистратами затрудняет обоснование ею собственной позиции. Ничего оригинального она не предлагает и попросту объединяет все заимствованные аргументы, заявляя, что трибунат был введен «для критических ситуаций как таковых, независимо от их конкретного наполнения»¹³. Следует ли считать, что потребность «в “многоместной” экстраординарной коллегии» возникла потому, что существовавшие экстраординарные магистраты (диктатор с начальником конницы и интеррекссы) со своими задачами не справлялись? Но исследовательница сама соглашается, что они справлялись лучше консульских трибунов. Впрочем, в заключении она проговаривается: «Главными задачами консульских трибунов были отражение внешней агрессии и смягчение сословных конфликтов»¹⁴. В свете этого заявления все рассуждения о комплексности задач консульских трибунов выглядят не более чем претензией на оригинальность.

Показав, что консульские трибуны не справлялись с задачей отражения внешней агрессии (ни одного триумфа), Дементьева вынуждена принять идею создания этой магистратуры в интересах плебеев¹⁵. Само это представление

¹⁰ Дементьева (Ук. соч. С. 94) отмечает, что в период существования консульского трибуната римляне 14 раз обращались к диктатуре как более эффективной форме чрезвычайной власти, причем одиннадцать лет диктатор завершал административный год вместо консульских трибунов. С другой стороны, отсутствие сведений о триумфах консульских трибунов она объясняет отсутствием у них серьезных побед (с. 111), тогда как консулы, которых они якобы должны были заменять в чрезвычайных обстоятельствах, победы одерживали и триумфы справляли.

¹¹ Дементьева. Ук. соч. С. 60.

¹² Обзор литературы см. *Richard J.-Cl. Réflexions sur le tribunat consulaire* // *MEFRA*. 1990. 102. P. 771–778; Дементьева. Ук. соч. С. 8–21.

¹³ Дементьева. Ук. соч. С. 59–60.

¹⁴ Там же. С. 177. Собственно говоря, эти две причины более всего и обсуждаются в исследовательской литературе. Обе они были сформулированы еще Ливием (4. 6. 8 и 4. 7. 2), и, таким образом, теоретическое мышление большинства исследователей не выходит за рамки концепций, намеченных в историографии Поздней республики.

¹⁵ Дементьева. Ук. соч. С. 138–139. Представление о создании рассматриваемой магистратуры как «полупобеде» плебса достаточно распространено в современной науке. См. *Guarino A. La rivoluzione della plebe*. Napoli, 1976. P. 223–225; *Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976. P. 35–36; *Martin P.-M. L'idée de royauté à Rome. I. De la Rome royale au consensus républicain*. Clermont-Ferrand, 1982. P. 334–336; *Musti D. Lotte sociale e storia delle magistrature* // *Storia di Roma. I. Roma in Italia* / A cura di A. Momigliano ed A. Schiavone. Torino, 1988. P. 367–395.

восходит к античной традиции¹⁶. Однако, согласно Ливию, впервые плебей был избран консулярным трибуном только в 400 г.¹⁷, а затем это происходило в 399, 396 и 379 годах¹⁸. Иначе говоря, хотя магистратура была создана как уступка плебеям, первые сорок с лишним лет существования она оставалась для них недоступной. Стремясь опровергнуть указания Ливия и усилия современных исследователей по выявлению проблематичных фигур в консульских фастах, Дементьева полагает, что все настроены преуменьшать число плебеев среди консулярных трибунов. Трактую все сомнительные случаи в пользу плебейского представительства, она обнаруживает его «с весьма высокой степенью вероятности» в семи коллегиях – 444, 442, 400, 399, 396, 383, 379 годов¹⁹. Еще семь коллегий – 419, 417, 388, 387, 380, 378 и 376 годов – она «предположительно» считает патрицианско-плебейскими «с явно меньшей степенью надежности». Такого рода подсчеты дают примерно 28 мест, занимаемых плебеями, из 250 мест в коллегии за все время ее существования. Плебеи участвовали в 14 (при более строгом подсчете – семи) коллегиях из 51. Проведенный анализ заставляет исследовательницу согласиться, что патриции явно преобладали в консулярном трибунате. Однако она не сдается, а, подчеркивая, что этот факт нельзя трактовать как монополию патрициев на магистратуру консулярных трибунов, задается ненужным уже вопросом, существовала ли норма равного представительства патрициев и плебеев при занятии этой должности. Естественно, что оснований для подобного рода выводов не находится²⁰.

Но если консулярный трибунал был создан для удовлетворения стремления плебеев к высшей магистратуре, то почему их было так мало среди занимавших эту должность? Обычно исследователи придерживаются мнения, что причинами малого представительства плебеев была их недостаточная политическая организация, господство патрициев в комициях и их лучшая подготовленность на роль военных командиров. Оспаривая сразу все эти взгляды, Дементьева тем не менее воспроизводит соответствующие аргументы – что патриции в силу своего политического и военного опыта пользовались доверием и поддержкой избирателей обоих сословий²¹. В целом она считает, что плебеям мешало отсутствие закона о паритетном представительстве и председательство патрициев в избирательных комициях. Гипотетической выгодой, которую давала плебеям «возможность членства в консулярном трибунате», она называет право «систематически (в условиях частого применения этой магистратуры) выдвигать плебейских кандидатов, которые, однако, далеко не всегда могли быть избраны»²². Участие в 7 коллегиях из 51 на протяжении 87 лет (даже если принять выкладки Дементьевой) – такой результат говорит о явном провале исходного замысла, если он, конечно, существовал.

¹⁶ Liv. 4. 1–6, особ. 4. 6. 8; Dionys. 11. 53–61; Zonar. 7. 19. 3–4; Dig. 1. 2. 2. 25. Р. Огилви предположил, что анналист Лициний Макр, главный источник Ливия (4. 7. 12) и Дионисия (ср. 11. 62. 3) об учреждении консулярного трибуната, был автором представления об этой магистратуре как средстве компромисса между патрициями и плебеями (Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1965. P. 540–541).

¹⁷ Liv. 5. 12. 9; ср. 4. 25. 10.

¹⁸ Liv. 5. 13. 3; 5. 18. 1; 6. 30. 1.

¹⁹ Дементьева. Ук. соч. С. 140–151. Ср. Staveley E.S. The Significance of the Consular Tribune // JRS. 1953. 43. P. 30–36, особ. 34.

²⁰ Дементьева. Ук. соч. С. 153.

²¹ Там же. С. 154–155.

²² Там же. С. 156.

Суммируя выводы В.В. Дементьевой, получим следующую картину. В 444 г. в помощь только что созданному консулату в порядке «эксперимента» римляне учреждают должность консулярных трибунов для разрешения чрезвычайных ситуаций. Трибуны со своей основной функцией не справляются (позволяя чрезвычайные ситуации решать обычным диктаторам), но через пару поколений, к концу V в., полностью замещают консулов в качестве эпонимов и высших ординарных магистратов. В 408–367 годах консулы как будто существуют, но их не видно в источниках (исключение составляют 393–392 годы). Еще через пару поколений римляне без всяких объяснений упраздняют консулярный трибунат и восстанавливают консулат. Несмотря на это, с точки зрения исследовательницы, «эксперимент» с консулярным трибунатом имел и положительные результаты: 1) способствовал допуску плебеев к консулату; 2) продемонстрировал неэффективность военной деятельности большого количества командующих, укрепив позиции диктатуры; 3) подготовил реформирование политической системы и повлиял на оформление основных черт исполнительной власти²³. Такие «выводы» (которые к тому же крайне нелегко понять из-за страсти автора к нагромождению лишних слов) вряд ли могут претендовать на роль «исторической модели».

Как представляется, неудача рассмотренной «исторической реконструкции» коренится в несоблюдении трех важных условий исторического исследования, к каковым относятся: 1) анализ источников информации; 2) опора на предшествующую традицию изучения; 3) рассмотрение изучаемого объекта в контексте современной ему исторической действительности. Рассмотрим эти положения подробнее.

1. Римская историческая традиция, которая является основным источником для реконструкции истории Ранней республики, представляет особую сложность для понимания в силу своей многослойности. Сложившись на закате Республики и в эпоху Августа, она впитала в себя переработку исходных данных, осуществлявшуюся на протяжении двух веков, от Фабия Пиктора до Тита Ливия. При этом нет определенных сведений о том, откуда первые римские историки Фабий и Цинций (конец III – начало II в.) черпали сведения о событиях V–IV вв., отделенных от них двухвековым периодом, в течение которого римляне еще не писали своей истории. Понтификальные записи и другие подобные тексты, которые могли послужить источником римским историкам, также подвергались переработке с конца II в. до эпохи Августа, которой датируются Капитолийские фасты²⁴ и Великие анналы²⁵.

Некоторые из наших ученых исповедуют принцип «доверия» данным традиции, сохраненным в основном в трудах авторов рубежа эр: Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона, Варрона, Диодора Сицилийского. Такая установка выражается в том, что всякая попытка осмыслить истоки сообщаемых ими сведений квалифицируется как уклон в сторону «гиперкритицизма». Но, отказываясь обсуждать источниковедческие проблемы, исследователь закрывает себе

²³ Там же. С. 177.

²⁴ См. Hanell K. Probleme der Römischen Fasti // Les origines de la république romain. Entretiens sur l'Antiquité Classique. 13. Vandoeuvres–Genève, 1967. S. 135–191; Ridley R.T. «Fastenkritik»: A Stocktaking // Athenaeum. 1980. 58. P. 264–298; Rüpke J. Fasti: Quellen oder Produkte römischer Geschichtsschreibung? // Klio. 1995. 77. S. 184–202.

²⁵ См. Frier B.W. Libri Annales Pontificum Maximorum: the Origins of the Annalistic Tradition. Rome, 1979. P. 179–200; Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н.э. М., 2005. С. 26–76.

путь к пониманию происхождения, а значит, и реального значения используемых им сведений. Это обстоятельство уже давно осознано в европейском антиковедении, где задачей сторонников хоть критического, хоть охранительного подходов к ранней римской истории однозначно признано исследовать источники и объяснять их содержание, а не априорно принимать или отвергать его²⁶. Естественно, что большинство увлеченных ранним Римом исследователей стремятся как можно полнее использовать данные античной традиции, но не на основе «веры» им, а в результате подробного и подчас многосложного рассмотрения смысла содержащихся в традиции сведений. Ведь зачастую очевидные в контексте современной логики события и явления имели совсем иное значение для римлян. Поэтому, например, даже такой сторонник достоверности основных фактов, сообщаемых римской традицией, как Тим Корнелл²⁷, известен как автор серии статей, посвященных проблемам формирования этой традиции²⁸. В частности, он высказал мнение о необходимости выделять в ней «структурообразующие факты», достоверность которых восходит к их реальности²⁹, и «наполняющий исходную структуру нарратив», который был продуктом литературного творчества римских анналистов II–I вв.

В книге Дементьевой этот вторичный «нарратив» априори принимается за «факты» и исследуется как проявление раннеримской действительности, а не отражение ее понимания поздними авторами, чем он был на самом деле. Банальным кажется повторять, что между исследователем и исторической реальностью источник играет роль посредника, отнюдь не тождественного описываемым им явлениям. Игнорирование этого обстоятельства приводит к тому, что реконструируемая «модель», которую исследователь принимает за историческую, на самом деле оказывается проекцией ментальности его источника, со-

²⁶ См. Grandazzi A. *La fondation de Rome. Réflexion sur l'histoire*. P., 1991; англ. пер.: Grandazzi A. *The Foundation of Rome: Myth and History*. Ithaca (N.Y.)–London, 1997.

²⁷ Timothy J. Cornell – в настоящее время директор Institute of Classical Studies (University of London), автор книги: *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. L.–N.Y., 1995, которая используется в качестве учебного пособия по ранней римской истории в большинстве университетов мира.

²⁸ Cornell T.J. *Aeneas and the Twins: the Development of the Roman Foundation Legend* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1975. 201. P. 1–32; *idem*. *Etruscan Historiography* // *ASNP*. 1976. 6. P. 411–439; *idem*. *The Foundation of Rome in the Ancient Literary Tradition* // *Paper in Italian Archaeology. I. The Lancaster Seminar* / Ed. by H.M. Blake, T.W. Potter, D.B. Whitehouse. Oxf., 1978. P. 131–140; *idem*. *Alcune riflessioni sulla formazione della tradizione storiografica su Roma arcaica* // *Roma arcaica e le recenti scoperte archeologiche. Giornate di studio in onore di U. Coli*. Firenze, 29–30 maggio 1979. Milan, 1980. P. 19–34; *idem*. *The Value of the Literary Tradition Concerning Archaic Rome* // *Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders* / Ed. by K.A. Raafaub. Berkeley, 1986. P. 52–76; *idem*. *The Formation of the Historical Tradition of Early Rome* // *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing* / Ed. by I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman. Cambr., 1986. P. 67–86; *idem*. *The Tyranny of the Evidence: a Discussion of the Possible Uses of Literacy in Etruria and Latium in the Archaic Age* // *Literacy in the Roman World* / Ed. by J.H. Humphrey. Ann Arbor, 1991. P. 7–33; *idem*. *Cicero on the Origins of Rome* // *Cicero's Republic* / Ed. by J.G.F. Powell, J.A. North. L., 2001. P. 41–56.

²⁹ Т. Корнелл обосновывает их достоверность тем, что они обнаруживаются у всех первых историков – Фабия, Цинция, Полибия, Катона Старшего. Такая аргументация не может не вызывать сомнений, поскольку сами эти историки были отделены от описываемой эпохи V–IV вв. двухсотлетним периодом господства устной традиции, не склонной к точной передаче исторических сведений.

державной анахронизм и внутреннюю логику более поздней эпохи³⁰. В рассматриваемом случае консулярный трибунал, описанный Ливием, Диодором и Дионисием, отражает скорее функционирование триумвиратов поздней Республики, чем историческую реальность раннереспубликанской эпохи³¹.

2. Работа Дементьевой, казалось бы, опирается на достижения современной историографии, однако, апеллируя в тексте к работам предшественников, она видит в них лишь набор точек зрения, не составляющих системы. Между тем изучение истории раннего Рима на протяжении последних двух столетий имеет свою логику, в которую вписывается и проблема консулярных трибунов. Поиски ее решения ведутся в контексте осмысления социально-политической системы Ранней республики. Уже давно была показана нелогичность утверждения традиции, прежде всего ливианской, о связи между борьбой плебса за права и введением консулярного трибунала. Поэтому преобладающим среди исследователей стало представление о связи этой магистратуры с ростом населения, усложнением организации общества и управления римской армией. Согласно Варрону, древнее войско состояло из легиона в 3000 пехотинцев, выставлявшихся тремя трибами по 1000 воинов от каждой³². Гаэтано Де Санктис обратил внимание на характер возрастания числа военных трибунов с консульской властью: 444–432 гг. – 3 трибуна, 426–406 гг. – 4 трибуна, 405–367 гг. – 6 трибунов. Ориентируясь на 1000 воинов под командой одного трибуна, Де Санктис предположил рост римского легиона: до 432 г. – 3000 воинов, до 406 г. – 4000 воинов, до 367 г. – 6000 воинов³³. Длительную дискуссию по этому вопросу подробно изложил Руди Томсен³⁴. Согласно авторитетным у современных исследователей работам Плинию Фраккаро, римская армия после реформ Сервия Туллия выставляла 6000 пехотинцев³⁵. С переходом к республике она была разделена на два легио-

³⁰ Здесь следует пояснить, что Дементьева, не проводя четкого разделения между сведениями традиции о фактах раннеримской истории и самими этими фактами, подчас не замечает иной методической позиции многих современных исследователей. Например, высоко оценивая работы Друммонда и Ридли, многие выводы которых принимаются ею применительно к собственному пониманию римской действительности, она не замечает, что оба автора исследуют не действительность как таковую, а ее отражение у Ливия и Диодора, на что недвусмысленно указывают названия их статей: *Drummond A. Consular Tribunes in Livy and Diodorus // Athenaeum. 1980. 58. P. 57–72. Ridley R.T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy // Klio. 1986. 68. P. 444–461*. Сделанные ими выводы, конечно, помогают постичь историческую реальность, но не имеют обязательного характера для ее интерпретации.

³¹ Согласно Диону Кассию (40. 45. 4–5), попытка возродить консулярный трибунал имела место в 53 г. до н.э., когда плебейские трибуны предложили заменить консулов консулярными трибунами. Успеха она не имела, однако примечательно само возникновение этой идеи. Очевидно, что в сознании людей, которых она занимала, консулярный трибунал представлялся соответствующим условиям Поздней республики, а не как некая забытая политическая модель древних времен. И именно это представление направляло перо Ливия, Диодора и других авторов.

³² *Varr. LL. 5. 89: milites, quod trium milium primo legio fiebat, ac singulae tribus Titensium, Ramnium, Lucerum milia militum mittebant*. О соответствии числа центурий количеству триб и в дальнейшем см. *Coli U. Tribù e centurie dell'antica repubblica romana // SDHI. 1955. 21. P. 181–222*.

³³ *De Sanctis G. Storia dei Romani. 2ª ed. Vol. 2. Torino, 1956. P. 192–194; idem. Le origini dell'ordinamento centuriato // RFIC. 1933. 61. P. 293–295*.

³⁴ *Thomsen R. King Servius Tullius: a historical synthesis. Kopenhagen, 1980. P. 144–211*.

³⁵ *Fracarro P. La storia dell'antichissimo esercito romano e l'età dell'ordinamento centuriato // Atti II Congresso nazionale di studi romani. 3. 1931. P. 91–97; idem. Ancora sull'età dell'ordinamento centuriato // Athenaeum. 1934. 12. P. 57–71 = idem. Opuscula. 2. Pavia, 1956. P. 287–306*.

на по 3000 гоплитов, которыми командовали консулы. Под началом каждого консула было по три военных трибуна, а всего их было шестеро. В случае отсутствия консулов войско возглавляли военные трибуны, действовавшие сообща (*consulares*, т.е. совещающиеся).

Соотношение военных трибунов с консулами, однако, не очень ясно. В традиции консулы (первоначально назывались преторами³⁶) появились с началом Республики в 509 г. В консульских фастах с 444 г. они были потеснены, а с 408 г. почти полностью вытеснены консулярными трибунами, ежегодно избиравшимися до 367 г. Источники ничего не говорят о разграничении их полномочий, так что они функционировали как бы параллельно. Это породило целый спектр мнений среди исследователей, прежде всего, о характере высшей магистратуры в эпоху Ранней республики. Этот вопрос стал объектом диссертационного исследования Роберта Бунзе, опубликованного за два года до книги Дементьевой³⁷. Обратим внимание на основные его положения.

Ликвидация царской власти в Риме привела к тому, что ритуальные полномочия царя были разделены между верховным понтификом, ставшим главой римской религии, фламином главного бога Юпитера и особым жрецом, называвшимся «царь жертвоприношений» (*rex sacrorum*)³⁸. Светские же полномочия царя – военный империй, право созыва комиций, право внесения законов и вынесения судебных решений, управление казной – оказались в руках магистратов, называвшихся преторами. Де Санктис считал, что от царей власть перешла к трем преторам, руководившим трибами Рамнов, Тициев и Луцеров, которые в течение V века поделили власть между собой так, что двое стали консулами, а третий – курульным претором, занимавшимся правосудием³⁹. Задолго до этого Вильгельм Ине предположил, что между монархией и консульской республикой имел место промежуточный период, когда Рим управлялся диктатором⁴⁰. По мнению Йохена Бляйкена, полномочия царя перешли к верховному магистрату с известным в традиции титулом *praetor maximus*⁴¹. Джузеппе Вальдитара считает, что цари уступили место магистрату с титулом *magister populi*, который делил власть с *magister equitum*⁴². Таким образом, Роберт Бунзе лишь подвел итог долгим поискам, соединив сильные стороны аргументации указанных авторов и сведя их выводы в единую, так сказать, синтетическую концепцию. По его мнению, возможно, с начала Республики Римом управляли *magister populi* (диктатором он стал именоваться много позже под влиянием италийской традиции) вместе со своим начальником конницы, которые в отредактированных по более поздним образцам фастах и фигурируют как консулы 509–451 годов. После ре-

³⁶ См. выше прим. 8.

³⁷ *Bunse*, *Op. cit.* Дементьева (Ук. соч. С. 9, 21, 28, 30–31, 38, 59–60, 81, 85, 104, 127, 138, 140, 141) оценивает книгу Бунзе крайне негативно, подчеркивая его «увлеченность» односторонней идеей «трех преторов». Дело, однако, не в его стремлении к оригинальности, а в теме диссертации, которая посвящена эволюции высшей магистратуры Ранней республики. В этом контексте проблема консулярных трибунов рассмотрена диссертантом на высоком профессиональном уровне и фактически выражает представления известных немецких антиковедов Вальтера Эдера и Йохена Бляйкена.

³⁸ *Momigliano A. Il rex sacrorum e l'origine della Repubblica // Studi in onore di Ed. Volterra*. Vol. 1. Napoli, 1971. P. 357–363; ср. *Blaive Fr. Rex sacrorum // Ollodagos*. 1995. 8. P. 85–110.

³⁹ *De Sanctis*. *Storia dei Romani*. Vol. 1. P. 404–406.

⁴⁰ См. прим. 9.

⁴¹ *Bleicken J. Die Verfassung der römischen Republik: Grundlagen und Entwicklung*. Paderborn, 1975. S. 42, 77.

⁴² *Valditara G. Studi sul magister populi: dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani*. Milano, 1989. P. 307–365.

форм децемвиров, зафиксированных в законах XII таблиц, главными магистратами стали три претора – *praetor maximus* и два *praetores minores*⁴³. Их связь с трибунами способствовала распространению на них титула трибунов. Рост римской территории, численности населения и выставляемых им гоплитов во второй половине V в. привел к увеличению числа высших военных командиров с трех сначала до четырех, а потом до шести. Эти новые магистраты не были преторами и носили лишь титул трибунов. В отличие от преторов они не имели права ауспиций, однако именно по этой причине должность эта стала доступна плебеям. Позднее в анналистике все шесть магистратов получили название консулярных трибунов. Однако в реальности первые трое преторов существенно отличались от других трех обычных трибунов.

Реформы 367 г. изменили статус трибунов. Плебеи получили доступ к ауспициям, что открыло им доступ к претуре. Один из преторов теперь мог избираться из плебеев, и постепенно это привело к оформлению принципа коллегиальности (*par potestas*) патрицианского и плебейского преторов, ставших поэтому называться консулами. Коллегия трех преторов (*praetor maximus* + 2 *praetores minores*) трансформировалась в коллегия из двух *praetores maiores* (*consules*) и курульного претора (*minor*), осуществлявшего управление в городе во время отсутствия старших коллег. Три обычных военных трибуна сохранили свой статус военачальников. Объем их полномочий остался прежним, но их общественный статус несколько понизился в связи с возрастанием их числа. Теперь они стали не сопоставляться с преторами, как прежде, а противопоставляться консулам как магистратам более высокого ранга. Таким образом, концепция Бунзе рисует логичную и законченную картину эволюции римских магистратур после ликвидации царской власти, которая привела к естественному (т.е. без введения ее каким-либо законом) возникновению консульской должности. Консулярные трибуны в этом контексте выступают не какими-то особыми, временными магистратами, а всего лишь другим названием бывших тогда высшими магистратами преторов, данным им в римской анналистике.

3. Работа Р. Бунзе с его «критическим» отношением к античной традиции более соответствует современным представлениям об обществе Ранней республики, чем работа В.В. Деметьевой, которая полностью «доверяет» традиционному изложению. В результате такого подхода римское общество V–IV вв., в изображении Деметьевой, копирует общественное устройство классической республики: общественные институты вводятся и отменяются на основе расчетов сената, комиции имеют сложившийся (неизвестно когда) механизм функционирования, магистраты действуют как политики гражданского общества, патрициат выглядит слепком с позднейшего нобилитета. Эта искусственная конструкция как-то слабо вяжется с архаическим обществом, пребывающим в состоянии формирования гражданских институтов. Для переходного периода V–IV вв. было характерно постепенное освобождение органов управления от первобытных сакральных форм и превращение их в секулярные магистратуры. В концепции Бунзе три претора с сакральными ауспициями были наследием, доставшимся республике от древней монархии; поэтому они качественно отличались от трех других трибунов, которые обладали лишь светскими (военными) полномочиями. Плебс, претендовавший на должности с сакральными полномочиями, не мог получить их в результате законодательного акта (как представля-

⁴³ О проблеме *praetor maximus* см. *Magdelain A. Praetor maximus et comitiatus maximus // Iura. 1969. 20. P. 257–286; Gabba E. Maximus comitiatus // Athenaeum. 1987. 75. P. 203–205.*

ет Дементьева): для этого сначала плебеи должны были получить право на ауспиции или их собственные ауспиции признаны равными патрицианским. Бунзе обстоятельно проводит мысль, что новые полномочия плебеев складывались постепенно на практике и только затем, опробованные и отшлифованные жизнью, они оформлялись в качестве правовых норм. Для Дементьевой же основой любого развития является законодательный акт, принятый (центуриатными) комициями. Такая практика более соответствовала бы эпохе кризиса республики с ее политическими баталиями на Форуме по поводу принятия законопроектов, отвечавших интересам той или иной «партии».

Вслед за Рональдом Ридли Дементьева обсуждает сходство между терминами «консульские трибуны» и *consules, consulares*, которое имело вторичное или даже анахронистическое значение⁴⁴. В исследовательской литературе более принято подчеркивать, что основная нагрузка в названии титула консульских трибунов лежала на слове «трибуны». Не имея возможности обойти это обстоятельство, Дементьева отмечает «генетическую связь» между консульскими и военными трибунами, которых она считает полевыми командирами, как это было описано Полибием для более поздней эпохи. Превращение командиров трибальных войск (*Varr. LL. 5. 89*) в офицеров среднего звена она относит к концу царской эпохи, следуя традиции о реформе Сервия Туллия. Ее объяснение «генетической связи» чисто формальное: «если первоначально действительно в ранг высших магистратов возводились военные трибуны при исполнении ими своих воинских обязанностей, то с течением времени, при сохранении названия магистратуры, на нее стали претендовать любые видные политические деятели»⁴⁵. Однако если следовать исторической традиции, разве известны «военные трибуны» в качестве «высших магистратов» при последних царях или в начале Республики? С другой стороны, «любые видные политические деятели», претендовавшие на должность консульских трибунов, по утверждению Дементьевой, «обязаны были приобрести боевой опыт в ранге военного трибуна»⁴⁶. Эта искусственная и усложненная аргументация нужна исследовательнице для того, чтобы обосновать отсутствие тождества между военными и консульскими трибунами. Однако утвердившееся в науке другое, более простое объяснение выглядит более обоснованно: консульские (они же – военные) трибуны командовали войсками триб, которые стали превращаться в центуриатную организацию не во времена мифического Сервия Туллия, а именно в период действия консульского трибуната, во второй половине V – первой половине IV в. Иными словами, Дементьева конструирует искомую «модель» исходя не из логики развития архаических институтов, а на основе произвольного набора цитат из источников и работ исследователей.

* * *

Обратим внимание на то, что осталось за пределами внимания ученых, – на характер консульских *fasti*, являющихся основой традиции о консульских трибунах. Погодный список пар консулов (*fasti consulares*) фиксировал эпонимов, именами которых обозначался каждый прошедший год. Как представляется, консулами эпонимные магистраты стали называться после 367 г., когда плебеи были допущены к ауспициям, а до того они носили титул преторов. Преторская

⁴⁴ См. *Ridley. The «Consular Tribunate»*. P. 444–461; *Richard. Op. cit.* P. 781–783; Дементьева. Ук. соч. С. 26–31.

⁴⁵ Дементьева. Ук. соч. С. 68–69.

⁴⁶ Там же. С. 69.

должность уходила корнями в царский период: первоначальная римская община состояла из двух триб, и преторы были их руководителями⁴⁷. По своему происхождению она имела сакральный характер⁴⁸. Поэтому любые другие магистраты не могли быть зафиксированы в качестве эпонимов. Исследователи однозначно признают это в отношении диктаторов и изымают четыре «диктаторских года» из консульских фаст как позднейшую вставку⁴⁹. Но то же самое относится и к консульным трибунам: годы, обозначенные их правлением, очевидно, являются интерполяцией⁵⁰. Массовость этой интерполяции указывает на характер трудности, перед которой оказались римляне, решив использовать консульские фасты в качестве инструмента хронологии для своей истории. Очевидно, некогда была принята слишком длинная хронология, которой не хватало материала, и списки эпонимов оказались короче отведенного им периода. Поэтому их дополнили списки «военных трибунов». Иначе говоря, консульские фасты были дополнены списками консульных трибунов в то время, когда римляне стали писать свою историю.

Обычно начало римской историографии соотносят с деятельностью Фабия Пиктора после его возвращения из поездки в Дельфы в 216 г. Однако этому предшествовал длительный подготовительный период, начавшийся еще в середине IV в., когда пробуждавшийся интерес римской элиты к своей истории обслуживался греческими авторами. Первое обращение римлян к исторической хронологии произошло в 304 г. По сообщению Плиния Старшего, освящая храм Согласия (*aedicula Concordiae*), эдил Гней Флавий поместил металлическую доску с надписью, указывающей, что это событие произошло через 204 года после освящения храма Юпитера Капитолийского⁵¹. Это была первая попытка определить хронологические границы римской истории⁵². Исходная дата – освящение храма Юпитера в 508 г. – показывает, что римляне конца IV в. еще не имели представления об эрах «от основания города» (*ab urbe condita*), «после изгнания царей» (*post reges exactos*) или «от учреждения республики» (*ab re publica constituta*)⁵³. Иначе говоря, и сами эти эпохальные события еще не были известны

⁴⁷ См. *Koptev A.* «Three Brothers» at the Head of Archaic Rome: the King and his «Consuls» // *Historia*. 2005. 54. P. 382–423. С. Мадзарино обратил внимание на существование у других италийских народов бинарных магистратур, подобных двум преторам/консулам (*Mazzarino S.* *Dalla monarchia allo stato repubblicano*. 2^a ed. Milano, 1992. P. 62–63).

⁴⁸ О сакральном аспекте термина *praeire* см. *Paoli J.* «Verba praeire» dans la legis action // *Mélanges F. de Visscher*. Vol. IV. P., 1950. P. 281–324. О «praetor» от «praeire» см. *Giovannini A.* Les origines des magistratures républicaines // *Museum Helveticum*. 1984. 41. P. 15–30; *idem*. Il passaggio dalle istituzioni monarchiche alle istituzioni repubblicane // *Bilancio critico su Roma arcaica fra monarchia e repubblica*, in memoria di F. Castagnoli. Roma, 1993. P. 90–91. В источниках неоднократно подчеркивается «царский» характер полномочий первых «консулов», т.е. курульных преторов (*Liv.* 2. 1. 7–8; 8. 32. 3; *Cic. De rep.* 2. 32. 56; *Aug. De civ. Dei* 5. 12; *Dig.* 1. 2. 2. 16).

⁴⁹ См. *Drummond A.* The Dictator Years // *Historia*. 1978. 27. P. 550–572.

⁵⁰ О проблеме эпонимии консульных трибунов см. *Ridley*. The «Consular Tribunate». P. 449.

⁵¹ *Plin.* NH. 33. 19: *Flavius vovit aedem Concordiae, si populo reconciliasset ordines, et, cum ad id pecunia publice non decerneretur, ex multatitia faeneratoribus condemnatis aediculam aeream fecit in Graecostasi, quae tunc supra comitium erat, inciditque in tabella aerea factam eam aedem CCIII annis post Capitolinam dedicatam.*

⁵² См. *Werner R.* *Der Beginn der römischen Republik. Historisch-chronologische Untersuchungen über die Anfangszeit der libera res publica*. München–Wien, 1963. S. 6–37.

⁵³ Подробнее см. *Mommsen Th.* *Die römische Chronologie bis auf Caesar*. B., 1859. S. 195–214; *Soltau W.* *Römische Chronologie*. Freiburg im Br., 1889. S. 263–282; *Werner*. *Op. cit.* S. 11–16, 211–212.

им⁵⁴. Напрашивается предположение, что они были сконструированы на основе «капитолийской эры», введенной Флавием.

Но почему он выбрал именно эту дату в качестве точки отсчета? Ответ кажется очевидным: с 508 г. берет начало список консулов, главных магистратов республики, пришедших на смену царям. Однако если консульские фасты очистить от интерполированных в них трибунов, децемвиров и лет без курульных магистратов (375–371 годы), то начало списка эпонимов будет относиться к середине V в.⁵⁵ Видимо, списки «военных трибунов» были использованы, чтобы, раздвинув списки эпонимов-преторов, совместить их с требованиями той хронологии, которая была установлена введением «капитолийской эры». Но «военных трибунов» не хватило, чтобы заполнить разрыв между реальной длиной первоначальных консульских фаст и хронологией «капитолийской эры»; поэтому в фастах остались годы без курульных магистратов⁵⁶. Следовательно, причина, по которой Гней Флавий установил начало «капитолийской эры» в 508 г., состояла не в начале именно в этом году списка консулов (преторов), а в чем-то другом.

Как представляется, выбор этой даты был обусловлен аналогией с афинской историей, в которой переход к демократии в 509 г. связывался с началом политической борьбы, приведшей сначала к взлету, а затем – к крушению афинского могущества. Эта аналогия Флавия имела характер предупреждения политикам, чрезмерно увлекавшимся политической борьбой, в частности Фабию Руллиану, именно тогда, в 304 г., реформировавшему городские трибы с целью получить голоса городских плебеев в комициях (Liv. 9. 46. 14). Ссылка же на освящение храма Юпитера, имевшего надсловный авторитет, должна была оттенить отличие Рима, не утратившего, а укрепившего за прошедшие годы свое могущество, от Афин. Флавий был человеком Аппия Клавдия Цека, известного своей реформаторской деятельностью и использованием достижений греческой культуры. Его заявление, по-видимому, имело целью (и было первой попыткой) прокламировать параллелизм между римским и греческим развитием. Эта акция Флавия, имевшая конкретно-политическое значение, послужила затем основой для разработки хронологии Римской республики.

Что же заставило Флавия (и его покровителя Аппия Клавдия) акцентировать общественное внимание на параллелизме событий римской и афинской истории (реформа Клизфена и освящение храма Юпитера, в котором хранились списки эпонимов) в ущерб реальной отечественной хронологии? Трудно представить, что дело обошлось здесь без греческого интеллектуала, ориентированного на афинскую историю, но знакомого с римской и имевшего определенный вес в Риме конца IV в. Таким греком был Тимей из Тавромения (ок. 350 – ок. 260 г.),

⁵⁴ Ср. Purcell N. *Becoming Historical: The Roman Case // Myth, History and Culture in Republican Rome. Studies in Honour of T. P. Wiseman.* Exeter, 2003. P. 28.

⁵⁵ Согласно традиции, за эти 77 лет – с 444 по 367 г. – было выбрано 49 коллегий трибунов (444, 438, 433, 432, 426–424, 422, 420–414, 408–394, 391–367) и 23 пары консулов (443–439, 437–434, 431–427, 423, 421, 413–409, 393–392 гг.). См. Ridley. *The «Consular Tribunate».* P. 462–465; Mora. *Op. cit.* P. 305–321. Таким образом, с 509 до 366 г., когда впервые были выбраны «новые консулы» – один из патрициев, а другой из плебеев – выбиралось 87 пар консулов: в 509–451 (59), 449–445 (5), 443–392 (23) гг. Если в списке эпонимов оставить только консулов, то, чтобы последняя из 87 пар консулов была выбрана в 367 г., необходимо, чтобы первая выбиралась в 454 г. Этот год и следовало бы считать началом консульских фаст, если бы не было сомнений в аутентичности некоторых консульских пар.

⁵⁶ О годах «анархии» см. Soltau. *Op. cit.* S. 340–350.

который первым написал связную историю Рима от основания до 264 г.⁵⁷ Поэтому он по праву заслужил определение отца-основателя (*der Urvater*) римской историографии⁵⁸. Будучи изгнан сиракузским тираном Агафоклом, Тимей уехал из Сицилии и прожил в Афинах около 50 лет, занимаясь литературным творчеством. Крупнейшим его достижением считается разработка общегреческой хронологии, основанной на счете лет по олимпиадам. Современные исследователи неоднократно отмечали его ведущую роль в датировке некоторых поворотных моментов ранней римской истории⁵⁹. Кристер Хенелл подчеркивал, что в своем стремлении синхронизировать события на Сицилии, на Балканах и в Италии (Риме) Тимей следовал традиции греческой историографии, оформившейся уже у Геродота. Римская история, детальное описание которой Тимей составлял впервые, не могла не быть основана на схеме, в основе которой лежали факты чужой истории. В центре его внимания была история родной Сицилии, по отношению к которой история Рима была столь же внешней, как и история Карфагена или Афин. Но, в отличие от Карфагена и Рима, история Афин была уже подробно описана предшественниками Тимея – Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Эфором. Поэтому афинская периодизация служила для Тимея моделью, по которой он сверял даты римских событий и происхождение римских институтов. Созданная таким способом структура ранней римской истории сохранилась при всех последующих обновлениях и расширениях материала римскими историками и анналистами⁶⁰. Она стала «несущей конструкцией» римской исторической традиции⁶¹.

Таким образом, консулярные трибуны были чуждым элементом в списке римских эпонимов. Это обстоятельство качественно разделяет их как с первоначальными преторами, так и с последующими консулами и заставляет предполагать у них совсем иной набор полномочий и функций, чем обычно считают исследователи. К тому же они образовывали свой собственный список. Этот

⁵⁷ *Gell.* 11. 1. 1: *Timaeus in historiis, quas oratione Graeca de rebus populi Romani composuit...* О нем см. *Pearson L.* *The Greek Historians in the West: Timaeus and his Predecessors.* Atlanta, 1987. P. 37–52; *Vattuone R.* *Sapienza d'occidente: il pensiero storico di Timeo di Tauromenio.* Bologna, 1991; *idem.* *Timeo de Tauromenio // Storici greci d'Occidente / A cura di R. Vattuone.* Bologna, 2002. P. 177–232.

⁵⁸ *Hanell K.* *Zur Problematik der älteren römischen Geschichtsschreibung // Entretiens sur l'Antiquité Classique.* 4. Vandoeuvres–Genève, 1956. P. 149–170 = *Römische Geschichtsschreibung / Hrsg. von V. Pöschl.* Darmstadt, 1969. S. 292–311, оsob. 295.

⁵⁹ *Momigliano A.* *Athens in the Third Century B.C. and the Discovery of Rome in the Histories of Timaeus of Tauromenium // Idem.* *Essays in Ancient and Modern Historiography.* Oxf., 1977. P. 47–51.

⁶⁰ Следует отметить, что предшественником Тимея, писавшим о Риме, был сицилийский же историк Филист, для которого хронологической моделью служила история Сиракуз. См. *Bearzot C.* *Filisto di Siracusa // Storici greci d'Occidente.* P. 137–176. Филист был соратником сиракузского тирана Дионисия Старшего, изгнан последний и вернулся в Сиракузы после его смерти, где занял высокое положение. Правление Дионисия (406–367 гг.) было для него образцом тирании, и это представление он, видимо, распространил и на закат эпохи римских царей. Смерть тирана в 367 г. ассоциировалась им с переходом к демократическому правлению; именно эта дата в римской истории связана с учреждением консулата (восстановлением оно стало позднее, когда начало Республики стали датировать 509 г.). Так же и приход Дионисия к власти в 406 г., связанный с началом войны с карфагенянами, в римской истории имеет явную параллель в начале войны с Вейями.

⁶¹ Подробнее о роли Тимея в формировании римской хронологии см. *Контев А.В.* *О начальной дате Римской Республики // Исседон: альманах по древней истории и культуре.* Т. 4 (в печати).

список фиксировал не высших магистратов, а трибунов, которые руководили войсками триб (tribuni militares) и действовали сообща (consulares).

Трудность понимания связи консульских трибунов с трибами состоит в том, что число трибунов (обычно 3, 4, 6 или 8, 9) не соответствует тому количеству триб, которое историческая традиция относит ко времени их правления (21 триба до 387 г. и 25 триб до 358 г.). Однако верна ли традиционная концепция формирования трибальной организации? Сомнения в этом высказывались еще учеными XIX в.⁶²

Согласно традиции, первые три трибы создал еще Ромул, затем Сервий Туллий разделил город на четыре региона, получивших название городских триб, а на территории за пределами города учредил «сельские трибы», так что всего их стало 20. Исследователи считают трибы Ромула «гентильными», а трибы Сервия – территориальными. Ливий (2. 21. 7) сообщает, что 21-я триба Крустумина была образована в 495 г.⁶³ Затем более чем за сто лет римлянам не удалось образовать ни одной новой трибы⁶⁴. Только после победы над Вейями в 387 г. на завоеванной территории были образованы четыре новые трибы. За последующие 146 лет, с 387 по 241 г., было учреждено 11 триб, после чего процесс их образования прекратился.

Нелогичность этой традиционной концепции проявляется в том, что в небольшой городской общине VI в., состоявшей из трех триб, Сервий Туллий нашел территорию для 20 триб, тогда как процесс образования новых 15 триб растянулся на три столетия. Де Санктис предположил, что традиция о четырех городских трибах – Субурана, Палатина, Эсквилина и Колина, – созданных Сервием, возникла на основе реформы, которая была проведена в 304 г. Кв. Фабием Руллианом⁶⁵. Согласно Ливию (9. 46. 14), именно Фабий создал четыре городские трибы, чтобы записывать в них всех граждан, не имевших земли. Эти четыре региона включали в себя территории, в древности тяготевшие к

⁶² Обсуждение проблемы триб и литературу о них см. *Thomsen*. Op. cit. P. 115–143.

⁶³ Дионисий (7. 64. 6) также отмечает, что в 490 г. существовала 21 триба.

⁶⁴ Белох, основываясь на том, что Фидены были захвачены римлянами в 426 г., предположил, что триба Крустумина, расположенная севернее, могла быть создана только в конце V в. (*Beloch K.J. Römische Geschichte*. В., 1926. S. 175–176; 300–301). Это мнение поддержали и другие исследователи. См. *Meyer E. Römische Staat und Staatgedanke*. 2. Aufl. Zürich, 1961. S. 57–58; *Alföldi A. Ager Romanus Antiquus // Hermes*. 1962. 90. S. 212; *idem. Early Rome and the Latins*. Ann Arbor, 1965. P. 317; *Magdelain A. Remarques sur la société Romaine archaïque // REL*. 1971. 49. P. 121 = *idem. Jus Imperium Auctoritas. Etudes de droit romain*. Rome, 1990. P. 450.

⁶⁵ *De Sanctis*. Storia dei Romani. Vol. 2. P. 230. Следует пояснить, что перенос событий IV в. на VI в. – это следствие не фальсификации или умысла римских историков, а особенности ранних исторических сочинений. См. *Топоров В.Н.* О космогонических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 106–150 = Из работ Московского семиотического круга. М., 1997. С. 128–170. Первые историки смотрели в прошлое на события давно минувших лет сквозь призму событий, более близких к ним по времени и потому знакомых. Естественным образом более древние события или явления, сходные по названию или внешним признакам с более поздними, описывались по аналогии с последними, как более знакомыми. При использовании таких сочинений более поздними историками созданные в них псевдоисторические версии событий воспринимались уже как исторические. Так, Ливий и Дионисий Галикарнасский собирали материал, сравнивая разные версии старших и младших анналистов. В случае противоречий критерием выбора «правильной» версии служила не научная критика, которой просто не могло еще быть, а собственная логика и здравый смысл. Этими же инструментами подчас ограничивают свой арсенал и современные исследователи.

Палатину и Квириналу, объединявших вокруг себя первоначальные трибы Рамнов и Тициев. Где помещалось население третьей «гентильной» трибы Луцеров, было неясно самим римлянам, так же как и ее происхождение⁶⁶.

Античные авторы сообщают, что пополнение римского сената третьей сотней членов произошло именно в начале Республики⁶⁷. Причем эти сенаторы не получили статуса «отцов», поскольку происходили из плебеев (отнесение их к всадникам – анахронизм Поздней республики). Так как в традиционной концепции сто сенаторов представляли одну трибу (300 сенаторов = 3 трибы), это означало, что римская община была пополнена третьей трибой Луцеров не при Ромуле, а в начале Республики. Если же вспомнить, что консульские фасты в реальности начинались не с 509 г., а с середины V в., то появление третьей трибы в начале Республики объясняет появление трех консульских трибунов в 444 г.

Как известно, в царскую эпоху левобережный Рим стал объектом завоевания этрусских пришельцев, укрепившихся на Яникуле. Об этом свидетельствует традиция о захвате Рима Мастерной, правлении в нем этрусков Авла и Целеса Вибенн, Лукумона / Тарквиния Приска и Порсенны⁶⁸. В этот период «этрuscoй династии» Рим превращается в урбанизированный центр, складываются известные из традиции политические и религиозные монархические институты. По-видимому, жившие в это время в Риме этруски образовывали третью трибу Луцеров, исходная территория которой располагалась за Тибром. Ликвидация монархии была связана с конфликтом с этрусками, что, видимо, привело к временной утрате трибы Луцеров. Однако ее место в общественной структуре Рима заняла другая третья триба, образованная вскоре на Авентине, роль которого повышается после битвы с латинами при Регильском озере. По традиционной версии, она состоялась в 499 (496) г. На следующий год на Авентине был освящен храм Дианы, связанный с культом Дианы Арицийской и ставший одним из центров плебейской консолидации. После первой сецессии в 493 г. здесь же был освящен храм Цереры, Либера и Либеры, вероятно, претендовавших на роль плебейской альтернативы капитолийской триаде. Институты этой новой трибы не были признаны в качестве «патрицианских»: новые сенаторы стали не *patres*, а *conscripti*; неясен вопрос и с вхождением населения этой трибы в ку-

⁶⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Bd 3. Lpz, 1887. S. 107–111; Ogilvie. *Op. cit.* P. 63–64.

⁶⁷ Первоначальный сенат, созданный Ромулом, состоял из 100 сенаторов (см. *Dionys.* 2. 12. 1; 13 1; *Vell. Paterc.* 1. 8. 6; *Propert.* 4. 1. 11–14; *Isid.* Etym. 9. 4. 11; Schol. Bob. ad Cic. Pro Scauro, p. 274 St.; *Lyd.* De magistr. 1. 16; De mens. 1. 19; *Eutrop.* Brev. 1. 2). Затем их число было увеличено до 200, когда к *patres maiorum gentium* были добавлены *patres minorum gentium* (см. *Cic.* De rep. 2. 20. 35; [*Aur. Vict.*] De vir. illustr. 6. 6; *Val. Max.* 3. 4. 2). Одна версия приписывает это удвоение сената Титу Тацию (*Dionys.* 2. 47; 57; *Plut.* Rom. 20), а другая – Тарквинию Приску (*Gran. Licin.* 26, p.3 (Flemisch); *Cic.* De rep. 2. 20. 35; *Liv.* 1. 35. 6; [*Aur. Vict.*] De vir. illustr. 6. 6; ср. *Suet.* Aug. 2. 1; *Eutrop.* Brev. 1. 6; *Zonar.* 7. 8; *Val. Max.* 3. 4. 2; *Flor.* Epit. 1. 1). Третья сотня, получившая название *conscripti*, была добавлена в сенат первыми консулами Брутом и Валерием (см. *Liv.* 2. 1. 10–11; *Dionys.* 5. 13; *Fest.* s.v. qui patres, qui conscripti... p. 254 L; *Serv.* Aen. 1. 426; ср. *Plut.* Poplic. 11; *Mancuso G.* Patres conscripti. Un'ipotesi sulla composizione dell'antico senato Romano // *Annali del Seminario Giuridico della Università di Palermo.* 1976. 36. P. 253–288). Тацит (*Ann.* 11. 25. 3) приписывал Бруту *patres minorum gentium*, а не *conscripti*. Поздние авторы Сервий (*Aen.* 1. 426) и Зонара (7. 9) введение *conscripti* связывали с Сервием Туллеем, по всей видимости, потому что его реформы ассоциировались с введением республиканской конституции.

⁶⁸ См. *Migliorati G.* *Forme politiche e tipi di governo della Roma etrusca del VI sec. a.C.* // *Historia.* 2003. 52. P. 39–66.

рий⁶⁹. Таким образом, с переходом к республике римская община приобрела своеобразную структуру – номинально она состояла из трех триб (это число имело сакральное значение), а фактически – из четырех.

Военными руководителями этих триб были трибуны. Понятно, что их было четверо, но первоначально только трое возглавляли войска, защищавшие республику. Кроме того, две первые трибы имели сакральных руководителей – преторов⁷⁰. Трибуны этих двух триб в традиции изображаются как представители плебеев, конкурировавшие с патрицианскими «консулами» (преторами).

В связи с тем, что Гнеем Флавием хронология Ранней республики была искусственно удлинена на 60 лет, события начального периода излагаются в исторической традиции дважды: после 509 г. и после 449 г. Римские анналисты «развели» оба рассказа так, что на первый период приходится образование трибы на Авентине и учреждение «трибуната» в двух первых трибах (он фигурирует как плебейский), а на второй период – появление трех консулярных трибунов и последующее увеличение их числа, очевидно, связанное с образованием новых триб.

В традиции фигурируют сначала трое консулярных трибунов – в 444, 438, 434–432, 422, 418, 408 гг., затем четверо – в 426–424, 420–419, 417–414, 407–406 гг. и, наконец, шестеро – в 405–404, 402–394, 391–381, 379–377, 370–367 гг.⁷¹ Четыре трибуна фигурируют с 426 г., когда началась очередная война с Вейями. Завоеванные в ходе ее территории вдоль левого берега Тибра до Аниена (в частности Фидены) стали основой для двух новых триб. С 405 г. в списках доминируют шесть консулярных трибунов. Де Санктис и Фраккаро объясняли это умножение первоначальной триады в два раза увеличением римского войска до двух легионов (с 3000 до 6000 пехотинцев). Последнее, видимо, было следствием включения в состав римской общины новых триб. Перед решающей вейентской войной римляне сначала «помирились» с этрусской трибой на затибрской территории, а затем создали две новые трибы на территории, захваченной у Фиден. Вейентская война закончилась победой Рима и образованием четырех новых триб, куда после галльского пожара хотели переселиться

⁶⁹ См. *Momigliano A. An Interim Report on the Origins of Rome // JRS. 1963. 53. P. 95–121 = idem. Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Vol. 2. Roma, 1966. P. 545–598; ср. idem. L'ascesa della plebe nella storia arcaica di Roma // RSI. 1967. 79. P. 297–312 = idem. Quarto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma, 1969. P. 437–454 (англ. пер.: *Momigliano A. The Rise of the Plebs in the Archaic Age of Rome // Social Struggles in Archaic Rome. P. 175–197*).*

⁷⁰ О параллелизме значения терминов *praetor* и *tribunus* см. *Hanell. Probleme der Römischen Fasti. S. 190*.

⁷¹ Поздние авторы сохранили общее представление о 6 консулярных трибунах (3 из патрициев и 3 из плебеев) – *Dionys. 11. 60. 5; Plut. Camil. 1; Zonar. 7. 19*. Когда Ливий (6. 37. 6) писал о привычке патрициев занимать восемь мест во время выборов консулярных трибунов, вполне вероятно, что он имел в виду места консулов и консулярных трибунов. Не отсюда ли заимствовал свое представление император Клавдий, когда говорил, что империй распределялся среди шести, а часто и восьми консулярных трибунов (*Orat. imp. Claud. 1. 33–36 = ILS. 212*)? В погодном изложении 8 трибунов Ливий (5. 1. 2) называет для 403 г., а Диодор для 389 (15. 22. 1), 380 (15. 50. 1) и 379 (15. 51. 1) годов. В консульских фастах 9 трибунов фигурируют под 380 г., для которого у Диодора их указано 8, а у Ливия – 6. Эти цифры, если считать их аутентичными (что сомнительно), могли быть свидетельством первоначальной неустойчивости объединения триб.

плебеи с правого берега. Рим превратился в громадный город, выделявшийся по площади и населению среди не только италийских, но и греческих городов⁷².

Римская историческая традиция насчитывала 25 триб в Риме 387 г., однако, по нашему расчету, их было только десять. В традиции создание 16 «сельских» триб из латинов, получивших римское гражданство и ставших римскими плебеями, приписывается Сервию Туллию. Однако некоторые исследователи склоняются к мнению, что исходная версия соотносила с Сервием создание только четырех триб, обычно фигурирующих как «городские»⁷³. Массовое упоминание «сельских» триб под 495 г. скорее было следствием того, что в устной традиции они были связаны с Латинской войной, а при записи устных преданий анналистами это событие оказалось перенесено с войны 340–338 годов на войну 499–496 годов. Связь «сельских» триб с Сервием Туллием была предопределена его ролью творца республиканского устройства. На самом же деле большинство триб были образованы в течение всего IV в. Ключевой же в римской истории была первая половина IV в., когда в состав общины входило 10 триб.

Эти десять триб были представлены десятью военными трибунами, причем их власть в общине была совместной, т.е. «консульской». Особенностью их положения был тот факт, что шесть триб были победителями в вейентской войне, а четыре трибы были образованы на земле побежденных. Поэтому в традиции правительство изображается состоящим из шести консулярных трибунов. Тогда как четыре трибы на вейентской территории были вынуждены вести борьбу за свое равноправие в общине. Эти четыре трибы были населены преимущественно этрусским населением. Очевидно, к ним примыкала и древняя третья триба на правом берегу Тибра, населенная этрусками. Таким образом, римская община состояла из двух явно выраженных половин, разделенных течением Тибра. На левом берегу располагались пять латино-сабинских триб, в число которых входили и две первоначальные трибы с преобладанием патрицианского населения. На правом берегу находились пять триб с преобладанием этрусского населения, которое первое время было ограничено в правах по отношению к своим левобережным согражданам.

В частности это неполноправие проявлялось в том, что только левобережные римляне выдвигали как формальных руководителей общины – преторов, так и фактических руководителей – шесть военных трибунов. Собрание руководителей десяти триб выработало комплекс реформ, которые должны были

⁷² В IV в. Рим занимал площадь 426 га. Для сравнения: Вейи занимали территорию 194 га, Цэре – 148 га, Вольсинии – 80 га, Тарквинии – 90–140 га, Кумы – 72,5 га, Агригент – 450 га, Тарент – 510 га, Афины с Пиреем – 585 га, Галикарнасс – 350 га, Митилена – 155 га (см. *Cornell. The Beginning of Rome*. P. 204). После завоевания Вей римская территория увеличилась сразу на 75%, с 900 км² до ≈1582 км² в 387 г. (см. *Beloch. Op. cit.* S. 620). После галльского нашествия была построена каменная стена длиной 11 км, окружавшая площадь около 426 га, и Рим превратился в одно из крупнейших городских поселений Италии (*Cornell. The Beginning of Rome*. P. 320). Это вызвало интерес к нему со стороны Карфагена (договор 348 г.) и кампанских греков (договор с самнитами 354 г.). Одновременно «кризис роста» стимулировал и реорганизацию всей социально-политической системы, и принятие комплекса законов, связываемых с именами плебейских лидеров Г. Лициния и Л. Секстия (см. *Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt, 1994. S. 280–297). Создается впечатление, что была принята новая конституция республики.

⁷³ Об этом см. *Thomsen. Op. cit.* P. 115–143.

сплотить трибы в единую общину⁷⁴. Правительство шести «консульных» трибунов было упразднено. Вместо них власть перешла к двум консулам, за образец полномочий которых были взяты древние преторы. Фактически преторы левобережья не были упразднены, но один из них со временем стал называться консулом, а другой сохранил название претора (в традиции это представлено как учреждение претуры в 367 г.)⁷⁵. Правобережное же население получило право избирать такого же претора (в традиции это фигурирует как право плебеев на консулат)⁷⁶. Совместное участие в управлении, в основном военном, привело к превращению двух преторов, представлявших разные части римской общины, в консулов (от *consulere* – «совещаться»)⁷⁷. Третий претор, занятый преимущественно оглашением права, связанного с религиозной традицией, т.е. городскими делами, сохранил свое древнее название, но с определением *urbanus*.

От военных трибунов к консулам перешло верховное командование войсками. Однако произошло это, вероятно, не сразу, и сама коллегия 10 трибунов не была ликвидирована, она лишь (видимо, постепенно) изменила свой статус и полномочия. Эти десять представителей триб стали теми, кого позднее называли плебейскими трибунами или трибунами плебса⁷⁸. В эпоху десяти триб они фактически представляли весь народ, и их коллегия служила как противовесом, так и дополнением консулату. Их право интерцессии было средством контроля над решениями консулов и претора в тот период, когда эти должности еще не утратили сакрального характера⁷⁹. Согласно Ливию (3. 30. 5–7), десятерых плебейских трибунов начали избирать ежегодно еще в 457 г. Однако фактически в традиции плебейские трибуны обычно действуют по двое вплоть до 376–367 годов, когда в течение 10 лет интересы плебеев представляли Г. Лициний и Л. Секстий. Двое плебейских трибунов были представителями тех двух триб, ко-

⁷⁴ В традиции эти десять трибунов фигурируют в образе второго децемвирата – пять патрициев и пять плебеев, – отнесенного к 450–449 гг. Возможно, трибуны не хотели выпускать из рук военные полномочия, и это обстоятельство описано в традиции как узурпация власти вторым децемвиратом. Учреждение законом Лициния-Секстия коллегии децемвиров для священнодействий (*decemviri sacris faciundis*), состоявшей из пяти патрициев и пяти плебеев, явно послужило моделью для изображения второго децемвирата 450–449 гг. (*decemviri legibus scribundis*). См. *Liv.* 6. 37. 12; 42. 2; 10. 8. 2–3; *Flach. Op. cit.* S. 282–283.

⁷⁵ О современных представлениях о возникновении претуры см. *Brennan T.C. The Praetorship in the Roman Republic.* Oxf.–N.Y., 2000. P. 12–33.

⁷⁶ Плебисцит Л. Генуция 342 г. разрешал избрание обоих консулов из плебеев (*Liv.* 7. 42. 1–2; *Zonar.* 7. 25. 9). Это постановление вызывало сомнение уже у Ливия (42. 10. 9). Так же относятся к нему и современные ученые, прежде всего исходя из факта, что впервые оба консула из плебеев были избраны только в 172 г. С другой стороны, несмотря на закон Лициния-Секстия 367 г., до 342 г. плебеи достигали консулата крайне нерегулярно, так что исследователи говорят о «реставрации патрициата» в этот период (*Heurgon J. The Rise of Rome. L., 1973. P. 188*). Поэтому предполагают, что закон 342 г. то ли повторял закон Лициния-Секстия, то ли заново учреждал право плебеев на должность одного из двух консулов. По-видимому, первоначально на место консула, представлявшего трибы правого берега, выбирались преимущественно представители третьей, более древней трибы. Но затем произошло уравнивание в правах и населения триб на бывшей вейентской земле.

⁷⁷ О проблеме формирования коллегияльности консулов см. *Bunse. Op. cit.* S. 181–212.

⁷⁸ *Varr. LL.* 5. 81: *Tribuni plebei, quod ex tribunis militum primum tribuni plebei facti, qui plebem defenderent, in secessione Crustumera.*

⁷⁹ Согласно Валерию Максиму (2. 2. 7) и Зонаре (5. 15), было время, когда плебейские трибуны не допускались в сенат и следили за происходящим в курии, помещаясь у входа.

торые первоначально выставляли преторов. Только с переходом к консулату в IV в. «плебейскими» трибунами стали представители 10 триб.

В традиции связь этих 10 военных трибунов как с децемвирами, так и с десятью плебейскими трибунами описана в рассказе Ливия о мятеже плебеев против децемвиров 449 г. (3. 50. 13 – 51. 10). В его версии два плебейских войска заняли Авентин и Яникул, избрали каждое по 10 военных трибунов. Их предводители М. Опий и С. Манилий вели переговоры с патрицианскими консулами Л. Валерием и М. Горацием. 20 трибунов маркируют существование в этот момент 20 триб, поскольку традиционная версия исходила из представления, что 21-я триба Крустумина была образована на завоеванных землях за рекой Аниеном в 495 г.⁸⁰

На самом деле 20 триб вошли в римскую общину только в середине IV в., и это послужило причиной преобразования социально-политического строя республики 10 триб. Важнейшим переломным рубежом стала Латинская война 340–338 годов. Согласно Ливию (8. 14), в ее результате большинство латинских общин, часть сабинов и кампанцев получили полное римское гражданство. Естественно, что они были записаны в трибы, и число граждан в этом случае должно было резко вырасти⁸¹. Согласно расчетам А. Афзелиуса, территория *ager Romanus* достигла 5525 км² с населением 347300 свободных⁸². Почти весь Лаций оказался населен римскими гражданами. Как представляется, следствием войны с латинами был резкий рост числа триб. В традиции 20 первых триб упоминаются сразу же после первой Латинской войны, закончившейся битвой у Регильского озера, под 495 г. Даже если эта легендарная война имела место, а не является ретроспекцией войны 340–338 годов, массовое возникновение новых триб было более уместно во второй половине IV, а не в начале V в.

Латинской войне 340–338 годов предшествовали следующие события. В 352–348 годах новое нашествие галлов на Лаций вызвало обострение отношений римлян с латинами, о котором источники говорят глухо. В 348 г. решением латинских общин у Ферентинской роши Риму было отказано в помощи (Liv. 7. 25. 5). А в 344 г. был освящен храм Юноны Монеты, в котором в молениях равно стали участвовать не только римские трибы, но и латины (Liv. 7. 28. 8). Затем Ливий (8. 4. 3–4) рассказывает, что перед началом войны с самнитами в 342 г. лидеры Латинского союза требовали у римлян выборов одного консула из латинов. Это говорит о том, что на повестке дня стоял вопрос об интеграции латинов в состав римского гражданства, и в 344–342 годах латины уже рассматривали себя как граждан. В 342 г. для переговоров о консулате латинские общины послали в Рим 10 старейшин, которые, по-видимому, были представителями 10 общин. Приписываемый Л. Генуцию закон о плебейском консулате выглядит положительным ответом на требование латинских старейшин. Судя по замечанию Ливия под 344 г., новые граждане не были вписаны в старые трибы. Следовательно, или было образовано какое-то количество новых триб (о чем традиция умалчивает), или, вероятнее, полученное латинами гражданство было неполным. Это и послужило причиной Латинской войны, по завершении которой эти

⁸⁰ Туда же традиция помещает и Священную гору, на которую, по преданию, плебеи уходили во время сецессии 494 г. Варрон (LL. 5. 81) называет эту сецессию *secessio Crustumerina*.

⁸¹ Taylor L.R. The Voting Districts of the Roman Republic. Rome, 1960. P. 9–10.

⁸² Afzelius A. Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.). Copenhagen, 1942. S. 153. По цензу 241 г. насчитывалось 241 000 граждан.

10 латинских общин образовали новые трибы. Ливий (8. 3. 8–9) представляет строй Латинского союза калькой римского: по аналогии с римскими консулами, латинами руководили два вождя, а их представителями в Риме были десять латинских старейшин, подобных десяти трибунам, представлявшим римский плебс. Эта структура Ливием повторена еще раз при рассказе о восстании плебса против децемвиров в 449 г.⁸³

Таким образом, основное содержание внутренней истории Ранней республики составляла не «борьба сословий» – патрициев и плебеев, сконструированная римскими историками по образцу борьбы нобилитета и популяров послегракханской эпохи, опиравшихся на плебс, а расширение римской общины за счет включения в нее новых триб. Каждый раз это было связано с борьбой новых граждан за уравнивание в правах с теми, кто уже имел римское гражданство, и с перестройкой политической системы. На первом этапе этого процесса важную роль в управлении римской общиной играли руководители сначала трех, четырех, а потом шести триб. Они-то и фигурируют в исторической традиции под титулом «военных трибунов с консульской властью».

TRIBUNI MILITUM CONSULARI POTESTATE – WHO WERE THEY?

A. V. Koptev

The author undertakes a research of the origin of *tribuni militum consulari potestate* who were first mentioned in *Fasti Consulares* and in Roman historical tradition in 443 BC and stopped to exist in 366 BC. Modern historians consider the title either as a real term for an ancient magistrate or as a fictive term covering real competence, which had changed considerably by the beginning of the historical period. In the latter case consular tribunes are thought to have been in fact either military tribunes or praetors (consuls) with their assistants (tribunes). The author puts forward his own scheme of social development of the early republic. Consular tribunes could have been military leaders of the first three, and later of four and six tribes constituting Roman community in the second half of the 5th and in the early 4th century BC. As for the traditional view that 21 tribes existed at that time, he explains it with the way in which Roman historical tradition was formed. This tradition believed that the Latin War of 340–338 BC had taken place in the 6th and the early 5th century BC. Consular tribunes were listed among the eponyms only because it was necessary to fill in the gap in *Fasti Consulares*. The gap was discovered by Roman annalists when they compared the real length of the list of consuls with the chronology of the early republic adopted in the 3rd century BC. The discrepancy between them came about as a result of lengthening of Roman chronology by Cn. Flavius (304 BC) in imitation of Athenian chronology.

⁸³ Возможно, память об этом объединении 20 триб сохранена у юриста Помпония, который называет число консульских трибунов – 20 (Dig. 1. 2. 2. 25). Т. Моммзен, правда, остроумно предположил, что переписчик принял римскую цифру VI за буквенное сокращение vi (viginti), так что Помпоний имел в виду 6 трибунов (Momm-sen. Römisches Staatsrecht. Bd 2. S. 185. Anm. 1).